

- А как же ты, внученька? Отвлеклась, заморочила старенькому голову, ничего про себя не рассказала - спросил старичок.

- Не извольте, беспокоиться... Мы привычные... Если желаете, я вам рассказывать буду, а вы отдыхайте...

- Давай, хоть приласкаю тебе...

- Не волнуйтесь вы, как на духу скажу, пока сосала, пару разиков и кончила, - степенно ответила Глашка, вошедшая в роль послушной внучки, - я ведь на весь вечер пришла, никуда не денусь.

Старичок успокоено задремал, даже всхрапнул пару раз. Проснулся оттого, что вновь ему оглаживали "причиндал". Приоткрыв глаз, увидел Глашу, которая не желая терять попусту времени, словно расшалившись щекотала "дружка" закадычного. Так как стояла она на коленях, сорочка коротенькая задралась, оголила крепкие, налитые ядреным соком молодости ягодицы. Старичок, по козлиному заблеяв, задрал ее, совсем обнажив зад. Проворная Глашка тот час повернулась:

- С пробуждением, дедуля. Как спалось? Хорошо отдохнули? А я вот опять шалить взялась... Шалунья у вас внученька. Так бы целыми днями и щекотала в месте стыдном... Я иной раз и себе вот так щекочу, когда скучно делается... Вот здесь... Так видно хорошо ли?

Она шире раздвинула ноги, открыв взору блестящую от влаги промежность и коричневое колечко зада.левой, свободной рукой потерла между ног, от старания высунув наружу кончик языка.

- А ты, внучка, греховодница, - сластолюбиво щурясь, забормотал старичок.

Смочив слюной мизинец, протолкнул, словно шутя, в зад ей. Будто встречая незваного гостя, Глаша ойкнула, но не громко, а скорее для проформы, чтобы дать понять, мол, не возражает, а наоборот, желает продолжения. Старичок, озоруя, несильно шлепнул по оттопыренному заду, свободной левой рукой. Возбуждаясь, смотрел, как расплзается красное пятно от ладони на лилейной коже.

Горячая теснота прямой кишки плотно охватила мизинец, сопротивление было значительным, и палец шевелился с трудом. Но не так, как если бы двигался мужским членом в дамском влагалище, а крутился, дергался волчком, задевая за чуткие девичьи места. От такого маневра принялась Глаша вскрикивать, крутить задом, побуждая старичка к дальнейшим "фокусам". "Дедуля" неугомонным старикашкой оказался, опять принялся мытарить, охаживать. Рука с пальцами скрюченными подагрой, покрытая пятнами коричневыми, развела ягодицы, просунув вместо мизинца уже два пальца, отчего спина Глашкина по-кошачьи выгнулась. Подвигав и пошевелив внутри, дедуля, вынул их, с явным удовольствием обнюхал. Посчитав, что девица достаточно разохотилась, приподнял ее, легкую словно пушинку, под живот подсунул подушку. Глаша крепче уперлась руками в перекладину деревянной кровати, прикрыла глаза и стиснула зубы, ожидая, что ее возьмут сзади.

Ожидаемым гостем, внутрь толкнулась головка раздутого "ласкуна", толкнулась и уперлась в сморщенную коричневую дырочку заднего прохода. Отверстие растянулась, девица напряглась, ощутив беспокоящую резь, вызванную предметом, который стремился

вторгнуться вглубь. Сказать честно, не доставляло это ей большого удовольствие, хотя и исходило от мужского естества.

С усилиями старичку удалось запихнуть «ласкуна», который был тотчас зажат, набух сильнее и никак не хотел выходить обратно. «Дедуля», закряхтев, сильнее налег, шевельнув пальцами руки левой во влагалище. Раздвигая анус, член полез внутрь, шумно засопел старичок. Двинул вперед, словно поршнем шире раздвигая дырочку заднюю, но сладости ожидаемой не получил.

Девчонка сжалась в комок, никак не хотела способствовать. Подвигав таким манером и не получив желаемого, попытался просунуть в «щелку» переднюю всю кисть, девица, перепугавшаяся не на шутку, взвилась, визгливо заголосив. О таком повороте никто, горемычную, не предупредил. Аграфена от души намыла «лодочку» адской смесью квасцов и экстрактом дубовой коры, так что каждое движение пальцев дедули причиняло немалую боль. Старичок прекратил домогательства.

- Внученька, неужто, так больно? Ты уж прости, прости, прости, бес попутал... Вон ведь какая нежная, да чувствительная... А что, разве спереду никто не брал тебя? Не бойся, не бойся, скажи... Может девица? Гляди-ка и впрямь окровянилась, может, вправду целку-то порушил? Сказать мне побоялась, гуляешься давно ли? Смотри-ка ведь точно девица, палец искровянил, видно девичью честь таки порушил. Нда-аа... И на старушку бывает прорушка... Сам не понимаю, что нашло... Не плачь, гостинцев дам, али денег... Хочешь? Только скажи, все исполню...

- Нет, дедуля, все хорошо. Это я виноватая, сначала хотела признаться, а потом будто голову потеряла... Да не волнуйтесь вы так, терпеть можно... Я видела, что вам понравилось, я крепкая, выдержу... Давайте в другой раз может сзади будете? Обещаю, помогать буду, чтобы на внученьку любимую не сердились...

- И то правда, чтой-то я сегодня расшалился, зачем насильничать, когда по согласию завсегда слаще... На-ка вот денежку на пряники, да булавки, за беспокойство... Будешь лакомиться, дедулю вспоминать... Сказать не большой охотник я до этого озорства, с заду-то... Вот помнится приятель закадычный был у меня - Мирон Николай Васильев. Купчина первостатейный, первой гильдии, сукном и другой мануфактурой торговал, два магазина на Каланчевке держал, так вот он - другое дело... Бывало за уши бабенку защушит, раком поставит, и давай с «черного» хода охаживать, вроде бы и русский, сроду с басурманами дел не имел, а вон такая оказия...

Бабенка, которая непривычна к такому, орать возьмется, так он ей на спину примется ассигнации укладывать, бабенку любопытство разбирает, мол, сколько же купчина денег за это отвалит, примолкнет. А он, похабник этакий, закончит, набрызгает ей вглыбь, достанет «солоб» и приговаривать примется, шутки шутковать:

- С прибытком вас, Николай Васильевич! Ехал на ярманку даром, а обратно вернулся с товаром!

Это он про то, ежели говнецо к головке пристанет, бывало, заставлял бабенку облизать все до капельки, все хихикал - «Нам чужого не надобно, своего дерьма не знаем куда девать», а ассигнации, которые бабе на спине раскладывал, соберет до последней, да в кошель, он у него к животу был завсегда был привязан. Скуповат был, лишнего никогда не давал... Да-аа... Покуролесили мы с ним на ярманках, было дело...

Теперь-то уж не то... Нет купеческой удали, размаху. Мельчает народец, мельчает...

Иностранцев понаехало, некуда православному шагу ступить, кругом одни папахи, тюбетейки, да ермолки, говор вороний... . А ты, внучка, одевайся потихоньку, вечер уж на дворе...

Приехавший на извозчике Степан помог сесть в коляску. Кучер заполошно крикнул, щелкнул кнутом и скоро они были дома. Вечер был как обычно шумным и пьяным. Гуляли приказчики с мануфактуры Зюсельмана, все девицы были нарасхват. Груня Плюшка, увидев ее, всплеснула руками:

- Да что же так долго! Всех барышень разобрали, ко мне подкатывали, не глядят, что старая, почитай червонец заработала уже. Они, стервецы, все про тебя спрашивали... Видать желают благородных... Скорей снимай пальто, в залу иди... Там уж все в усмерть пьянеющие... Деньгами так и сыплют... Старичок-то как? Не больно мытарил?

Глаша проворно поднялась вверх по лестнице, скинула пальтецо, достав из портмоне скомканную трехрублевую ассигнацию, зажала в кулачке. Проходя мимо Плюшки, сунула деньги в карман платья ей, пробормотав быстрым шепотком, никто толком и не услышал:

- А это вам, Грунюшка... Спасибо за науку, внимание и ласку... Старичок-то совсем ума лишился, думал, целку пальцем порвал, вдругорядь обещался позвать... Я все как вы говорили делала, думаю, дедуля довольные остались.

Польщенная Аграфена расплылась в улыбке:

- Да об чем разговор, мы всегда готовы, коли к нам с душой, так и мы подможем, чем можем... Всему, чему желаете научу... Мы не жадные...

В прокуренном зале, оглушительно гремела пианола, нестройный хор горланил про «славное море Байкал», звенела посуда, туда и сюда носились с подносами официанты. Жизнь продолжалась.